

Ребе Йосеф Ицхок Шнеерсон (РАЯЦ, 1880-1950) «СЕФЕР А-ЗИХРОНОТ»

1. МЕСТЕЧКО, ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ СИМВОЛОМ БРАТСКОЙ ЛЮБВИ

Историческое значение еврейских городов и местечек. Основатель местечка Любавичи. Старейшая синагога Любавичей и присвоенное ей название. Разбойники терроризируют леса вокруг Любавичей.

Нет почти во всей Европе города или местечка, которые не были бы так или иначе связаны с еврейским прошлым или настоящим, которые не представляли бы собой солидной главы еврейской истории и где камни и почва не были бы насквозь пропитаны еврейской кровью и еврейскими слезами. Уже одни названия ряда таких городов и местечек вызывают у нас ассоциации и воскрешают память об еврейских великих людях, отличившихся на протяжении многих поколений своими огромными знаниями Торы и добрыми делами или своей мученической жизнью и смертью.

Каждый такой город, городок и местечко вписали свою собственную главу в многострадальную историю евреев. Имеются города и местечки, которые представляют собою целые эпохи, характеризующие исторические движения в еврейской жизни. Таким городком, вернее местечком, являются и Любавичи. На протяжении ста двух лет и двух месяцев Любавичи были резиденцией четырех поколений еврейских духовных пастырей — ребе хасидского толка ХАБАДа и центром хабадского хасидизма с сотнями тысяч последователей — хасидов — по всей России и в других странах.

Хабадский хасидизм, основателем которого является «Старый ребе», рабби Шнеур-Залман, автор известной книги «Тания», существует вот уже двести пять лет. Это значит, что сто два года и десять месяцев центр ХАБАДа находился где-то в другом месте или не имел постоянного местопребывания. С самого начала этим центром было местечко Лиозно. В Лиозне ХАБАД собственно и родился. Затем центр ХАБАДа перекочевал в местечко Ляды, которое больше, чем какой либо другой населенный пункт связано с именем «Старого ребе».

Восемнадцатого дня месяца Хешвана 5676 года (1915 г.), во время первой мировой войны, Любавичи вынуждены были эвакуироваться. Светлой памяти отцу моему пришлось выехать оттуда со всей семьей. С тех пор Любавичи не являются больше местом пребывания хабадских ребе и перестали служить центром ХАБАДа. Но название «Любавичи» навсегда останется связанным с историей хабадского хасидизма, будет всегда возбуждать приятные воспоминания у хабадских хасидов. Любавичи заключили собой славную страницу истории хабадского хасидизма и еврейской истории вообще.

Хотя Любавичи начали фигурировать в истории и в движении ХАБАДа только со второго поколения главы дома Шнеерсонов, характерно все же, что именно это местечко играет значительную роль в хабадском движении уже с самого начала зарождения этого движения, а возможно и движения хасидизма вообще, и даже еще намного раньше, — тогда, когда нистары, каббалисты и праведники различных толков и направлений оказывали свое влияние на жизнь евреев и подготавливали почву для появления святого Баал-Шем-Това.

Не без основания назначено было Любавичам играть такую важную роль сначала в жизни скрытых цадиков (праведников) и каббалистов, а позже в жизни хабадских ребе и хасидов. Благодаря своему географическому положению Любавичи оказались подходящим местом для людей с возвышенной душой, стремившихся уйти от окружающего их мира и целиком отдаваться делу изучения Торы и

служению Б-гу или начать совсем иную жизнь, основанную на высших и чистейших этических принципах Торы.

Местечко Любавичи находится в Белоруссии, в бывшей некогда Могилевской губернии. Сначала это местечко находилось в составе Бобиновичского уезда, а затем его уездом стал город Орша на реке Днепр. Любавичи издавна окружены большими дремучими лесами, придававшими местечку вид полной оторванности от всего окружающего мира, а у его жителей вызывавшими чувство единенности. Тем самым Любавичи стали притягательным местом для людей, пожелавших оставаться наедине с собой, ближе к Всевышнему и Его творениям.

Это и явилось причиной того, что так много скрытых цадиков связало свою судьбу с Любавичами и наложило на это местечко свою печать. Для тех, кто знаком с далеким прошлым и историей самого возникновения Любавичей, создалось впечатление, будто это местечко скорее легенда, чем действительность, — сказочное место со сказочными людьми, Любавичи являют собой нечто своеобразное. Это воодушевляющая, возбуждающая фантазию глава из истории прошлой еврейской жизни.

Уже при появлении Любавичей впервые в далеком прошлом выступает на сцену примечательная еврейская личность, память о которой сохранилась на протяжении поколений вплоть до наших дней. Звали этого еврея реб Меир. Он принадлежал к той категории праведников, которые пожелали жить только собственным трудом. Не желая оставаться на своей родине и задумав положить основу нового образа жизни своей и других евреев, оставил он и еще три семьи свой родной город или местечко и пустился в путь искать где-либо уединенный уголок, чтобы осесть на земле и питаться трудом своих рук. Р. Меир, видимо, давно уже мечтал создать еврейскую колонию, лелея мысль, которая была позже подхвачена любавичскими ребе и осуществлена на практике. Как рассказывают, занялся этот р. Меир образованием задуманной колонии на том самом месте, где находится местечко Любавичи. Окруженная лесами и расположенная на берегах реки земля оказалась самой подходящей для устройства здесь сельскохозяйственной колонии. А потому р. Меир и последовавшие за ним семьи сейчас же по прибытии на место взялись за работу — валили деревья в лесу и строили себе дома.

Какое название, — если задумывались над этим вообще, — было в самом начале дано этому маленькому поселению, неизвестно. Но название Любавичи, которым было позже названа эта основанная р. Меиром колония, должно было представлять и характеризовать собою самого ее основателя.

Как рассказывают, отличался р. Меир своей большой любовью к людям — к евреям и неевреям. Его любовь к своим братьям положительно не знала границ. Не меньшую любовь он выказывал и к любым человеческим существам. У него была поговорка, смысл которой сводился к тому, что тот, кто мил людям, найдет милость и в глазах Всевышнего.

Понятно, что для того, чтобы находить милость в глазах людей, нужно проявить свою доброту и дружелюбие к каждому человеку, нужно быть готовым к самопожертвованию и делать людям только добро.

И не только людей любил р. Меир, не только «избранника всего сущего» он обожал и уважал, он любил и обожал также любое Б-жье создание, будь то четырехногое животное, домашняя или вольная птица. Все живое он обожал и свято любил. Он повторял сказание наших мудрецов, что выказывание любви к ближнему доставляет большую радость Владыке мира.

Само собой разумеется, что этот р. Меир был большим благотворителем как по отношению к евреям, так и к неевреям. Поэтому его имя сразу же приобрело известность во всем округе и еще дальше. О нем рассказывали различные невероятные вещи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда встал вопрос о присвоении имени новому поселению, основанному р. Меиром, оно, это имя, должно было соответствовать характеру деятельности р. Меира. Что явилось основной чертой р. Меира, если не любовь, — любовь к евреям, к неевреям и даже к безмолвным существам? Поэтому назвали поселение «Люба». Уже значительно позже придали этому слову окончание «вичи» и получилось «Любавичи».

Таким образом, Любавичи стали символом братской любви, любви к евреям и неевреям, а вернее ко всем Б-жьим созданиям и, понятно, любви к Всевышнему, к Творцу всего мироздания.

Р. Меир был только первым в ряду подобных ему праведников и нистаров, которые в продолжение сотен лет сделали Любавичи своей родиной. Именно благодаря этому выпала на долю Любавичей великая честь стать в дальнейшем духовным центром движения, руководство и авторитет которого получили признание всего еврейского мира.

Любавичи никогда не стали большим городом, хотя туда устремлялись десятки тысяч хасидов со всех концов России.

Как передают, проживало в Любавичах сто десять еврейских семей к тому времени, когда там поселился «Средний ребе» («Мителер ребе») в 5573 г. (1813 г.). Когда «Старый ребе» («Алтер ребе»), еще мальчиком, учился в Любавичах в 5516 и 5517 годах (1756 и 1757 г.г.), число поселенцев там не превышало 75–80 еврейских семей.

Любавичи имеют всего около полутора верст в длину и столько же в ширину, т.е. занимает площадь примерно в одну квадратную милю. Посреди местечка находится большая базарная площадь, на которой разместились лавки. От базарной площади тянутся три длинные улицы. Одна из них, названная Бром, выходит на дорогу в Добромысль. Вторая — Шилова — ведет в Рудню, а третья, Хохловка, расположена на пути в Рососно. Помимо этих «главных» улиц имеются и боковые улочки, которые известны, или были известны, под названиями Сирица, Холодная улочка, Вигонь и Приречная. На севере местечка протекает большая река, а на западе у кладбища — малая речка.

Большая река — Березина — берет начало в деревне того же имени, а имя свое деревня получила от берез, растущих в лесу вокруг деревни. Малая речка названа «Речкой надгробного камня», потому что она берет начало от одного из старых памятников на старом кладбище. Буквы на памятнике давно уже стерлись, так что нельзя было установить, чья могила под ним. Из поколения в поколение передавалось не пользоваться водой этой речки для питья и купанья.

Хотя Любавичи находились в то время на территории Польши, все же нееврейское его население составляли русские люди, а не поляки. Евреи жили в мире со своими соседями.

Старейшая синагога в Любавичах известна как «Биньяминская молельня». Следует, однако, сказать, что эта синагога на протяжении своей истории несколько раз перестраивалась после пожаров, когда она сгорала дотла.

Биньямин, именем которого названа синагога, представлял собою еще одну примечательную во многих отношениях личность, память о которой и добрые дела которого связаны с историей Любавичей. Этот р. Биньямин был коробейником. Он объезжал соседние деревни со своими скудными товарами, добывая себе этим на жизнь. Его жена не могла рожать, и они были бездетны.

Они жили в домике на берегу реки и имели большой огород с различными овощами. Р. Биньямин был очень набожен. Он соблюдал все заповеди. Особое же внимание он уделял благотворительности, раздавая милостыню не скупясь. Несмотря на эти качества, он слыл простым человеком, неучем.

В середине четвертого столетия шестой тысячи по еврейскому летоисчислению, т.е. около трех с половиной веков тому назад, при жизни р. Биньямина, когда Любавичи были уже поселением с многолетней историей, случилось нечто такое, что взбудоражило не только Любавичи, но и всю ближайшую округу.

Банда грабителей забралась в лес по дороге между Любавичами и Добромыслом. Грабители нападали на каждого проезжающего через этот лес и обирали его. Но одним этим грабежом бандиты не довольствовались. Они не пожелали ждать, пока их жертвы явятся в лес к ним. Они начали нападать также на расположенные вблизи деревни и стали грабить селян. Они забирали у местных крестьян лошадей, овец и крупный рогатый скот. Понятно, что вся округа была объята ужасом. Боялись пускаться в путь, боялись и дома оставаться.

Долгое время одни только Любавичи не подвергались нападению разбойников. Они не смели заявляться в местечко, где находилось все же значительное число жителей. Однажды все же два разбойника набрались духу и решили попытать счастья в Любавичах. Они, вероятно, уже чувствовали, что и Любавичи боятся их, и считали, что никто там не осмелится противиться им. Они не знали, что в Любавичах находится р. Биньямин, который, хотя и простой деревенский человек, обладает скрытой силой и сумеет их одолеть.

2. НИСТАР

Р. Биньямин спасает Любавичи от грабителей. Тайна его скрытой силы. Его друг сапожник Вольф. Новоприбывший. Нистар слушает рассказы о сотворенных им чудесах.

Смело, но осторожно действовали напавшие на Любавичи грабители. Это было первой попыткой со стороны разбойников, терроризировавших весь район вокруг, ворваться в это еврейское местечко. Первый дом, который они избрали для нападения, находился на окраине местечка. По-видимому, разбойники не хотели слишком рисковать. Поэтому они решили напасть на этот дом, зная, что там сейчас нет никого, кроме одной тринадцатилетней еврейской девочки.

Войдя в дом, разбойники начали забирать все, что попадалось им под руку. Девочка, страшно перепуганная, начала кричать и попробовала было прорваться к двери, чтобы выбежать наружу и поднять тревогу.

Но на пути к двери один из разбойников перехватил ее, зажав в свои могучие руки и закрыв ей рот.

Девочка, скромная еврейская дочь, только теперь поняла, какой большой опасности она подвергается, и начала бороться всеми своими силами. Она начала царапать лицо своего насильника ногтями, кусаться и брыкаться. Как бы силен разбойник ни был, он почувствовал великую силу честной еврейской девочки, боровшейся самозабвенно за свою девичью честь. Он начал применять против девочки свою дикую силу, осыпая ее ударами кулаков по лицу и по всему телу.

Лицо девочки было залито кровью. Но она напрягала всю свою волю и боролась еще отчаяннее. Освободив свой рот из рук разбойника, она с новой силой начала кричать и звать на помощь.

Возможно, что ее крики заглушил бы ветер и они не дошли бы до соседей. Однако случилось так, что р. Биньямин-коробейник как раз в этот момент появился на этой улочке, как будто некая тайная сила влекла его сюда. Он услышал отчаянный крик еврейской девочки, борющейся за свою целомудренность. Р. Биньямин тут же открывает дверь, входит в дом и видит происходящее. Девочка бьется в руках разбойника, в то время как его напарник забирает все ценные вещи в доме.

Увидав р. Биньямина, отпускает грабитель девочку, а его товарищ прекращает грабеж. Оба бросаются на пришельца. Они уже знают, что с ним делать.

Дело начало было принимать плохой оборот для р. Биньямина, над которым нависла серьезная опасность. И на самом деле, как может тщедушный, маленький человечек противостоять таким одичалым силачам, какими были эти русские разбойники? Но р. Биньямин не испугался. Он идет навстречу бандитам. Он совсем не перепуган. Он произносит несколько святых слов, известных только каббалистам, и сразу же на разбойников нападает нечто вроде дремы, они растягиваются на полу в глубоком обмороке и не двигаются с места.

Девочка успокаивается. Опасность миновала. Она стоит озадаченная; она не может понять, что именно здесь произошло. Она видит все, что произошло перед ее глазами, но она не представляет себе, что это совершил р. Биньямин при помощи скрытой силы, что р. Биньямин является нистаром. Она, как и всякий любой любавичский житель, считала р. Биньямина честным, набожным, добросердечным евреем, но весьма простым, обыденным человеком, которому нечем хвастать, который не обладает никакими особыми духовными достоинствами, не говоря уже о великом благочестии и обладании скрытыми силами, приписываемыми только каббалистам.

Теперь перед р. Биньямином встала важная задача. Оба разбойника не могли уже больше двинуться с места. Осталось ему еще сообщить о случившемся полицейскому чиновнику в местечке, и оба разбойника были в обморочном состоянии взяты под арест. И только, когда грабители были уже за решеткой, они пришли в себя. Полиция взялась за них и, наделив хорошей порцией плетей, заставила их выдать своих сообщников, прятавшихся в лесу. Был выслан вооруженный отряд и захвачена вся разбойничья шайка. Таким образом, Любавичи и весь район вокруг были освобождены от разбойников, долгое время наводивших ужас на все население кругом.

То ли в местечке не знали в точности все подробности об одержанной р. Биньямином победе над разбойниками, то ли вообще не хотели верить, что произошло это благодаря тайной силе р. Биньямина, — как бы то ни было, вся эта история вскоре была позабыта. Приняли это, по-видимому, за весьма обычное происшествие, и никому не пришло на ум приписывать такому простому деревенскому еврею, как р. Биньямин, обладание скрытыми силами тайного цадика.

Перестали уделять внимание коробейнику р. Биньямину еще и потому, что в то время р. Биньямин начал дружить с каким-то евреем, который вдруг появился в Любавичах и на которого никто не обращал никакого внимания, потому что он был всего-навсего простым сапожником и к тому же еще большим бедняком.

Имя этого сапожника было Вольф. Он прибыл со своей женой в Любавичи, по его словам, из маленького местечка на Волыни. О том, что его привело в Любавичи, он не говорил, и никто этого не знал. И на самом деле, кому какое дело до этого? Мало ли какая судьба занесла этого еврея в Любавичи! Хороших заработков он не мог здесь ожидать. Но, видимо, это сапожника Вольфа мало беспокоило.

Ничем особенно Вольф не отличался. Он стал членом кружка читателей Псалмов и вместе с другими ремесленниками приходил рано поутру в синагогу читать Псалмы перед молитвой. Он записался также в кружок «Поалей цедек», состоявший из ремесленников, изучающих Мишну и Эйн-Яков. Вольф сидел обычно с краю стола и внимательно прислушивался к тому, что читали здесь. Никто не был уверен, что сапожник действительно в состоянии понять то, что изучалось здесь. Но кому до этого дело? Несомненно, у сапожника были доброе сердце и добрые намерения. Однако же уделять особое внимание такому простому человеку уж конечно не было нужды. И поэтому мало кто о нем думал.

Время от времени исчезал этот Вольф из Любавичей. Его видели уходящим из дома с котомкой на плече и предполагали, что помимо талеса и тфиллин, а также скудных запасов пищи на дорогу, которыми снабдила его жена, в котомке находились, вероятно, также его сапожные инструменты.

Вольф не показывался в местечке в течение недель. Когда он возвращался домой и его спрашивали, где он был, он отвечал, что обходил деревни и латал крестьянскую обувь, — сапоги и лапти, а временами он наведывался также в помещичьи имения, где имел возможность не только латать старую обувь, но и шить новую.

И вот с этим сапожником подружился вдруг р. Биньямин и даже уходил вместе с ним из Любавичей. Он также задерживался в пути столько же времени, сколько и сапожник. Это означало, что они ходили вместе по деревням, они ведь не конкурировали друг с другом, — р. Биньямин продавал различные товары в то время, как Вольф занимался своим ремеслом.

Когда два человека так крепко дружат, положительно никогда не расстаются, значит — они друг друга стоят. Что представлял собою сапожник Вольф, было ясно всем, — он был всего только простым, хотя и честным ремесленником. Значит и р. Биньямин был человеком не более высокого уровня развития. Хотя р. Биньямин и показал себя таким умельцем, вызволившим еврейскую дочь из разбойничьих рук и добившимся уничтожения всей разбойничьей банды, это все же не убедило любавичских жителей, что р. Биньямин — человек, «вылепленный из особой глины».

Прошел год, а то и больше, после случая с разбойниками, и в Любавичах появилась весьма важная личность тех времен. Это был раввин р. Бецалел-Ури из Полоцка, приобретший известность как великий каббалист. Его считали чудотворцем.

Прибыв в Любавич, он поразил местных жителей тем, что начал расспрашивать о р. Биньямине, и при этом выказал по отношению к этому деревенскому коробейнику большое уважение.

— Почему вы говорите с такой большой важностью об этом Биньямине? — спрашивали раввина-каббалиста.

— Вы, по-видимому, не знаете совсем, что р. Биньямин каббалист, и что силой каббалы он одолел разбойников! — ответил раввин.

Любавичские обыватели слушали эти слова и поражались. Такое им никогда в голову не приходило. Они не верили бы этому, если бы не слышали от такого великого цадика как р. Бецалел-Ури из Полоцка. Теперь уже в истине этой новости не могло быть сомнения.

Но где же р. Биньямин? Начали искать его по местечку и вспомнили, что уже несколько недель нет его в Любавичах. Как обычно, он ушел из местечка в одно время с сапожником Вольфом. Что же могло быть общего между ними? Имели ли особое значение их одновременное исчезновение и обоюдная дружба? Собственно говоря, следовало теперь делать заключение, что и сапожник Вольф является нистаром, раз р. Биньямин так с ним близок!

Но р. Бецалел-Ури из Полоцка говорил только о р. Биньямине, а не о Вольфе. Р. Бецалел-Ури искал только деревенского торговца, а не сапожника. Так или иначе, обоим не было сейчас в Любавичах, и никто не мог сказать точно, когда они вернутся домой; этого не знали даже их жены.

Р. Бецалел-Ури имел, очевидно, специальное послание к р. Биньямину, ибо он хотел его найти во что бы то ни стало, и не пытался скрывать это. Видя, что он р. Биньямина не дожидается, он тут же оставил Любавичи и пустился искать его по свету.

Все это сильно взбудоражило любавичских обывателей. Только и разговору было, что о нистаре и чудотворце р. Биньямине. Теперь уже все ясно видели, что одоление разбойников р. Биньямином было проявлением одного из его чудес. Теперь уже оказывали бы р. Биньямину ту честь, которую он заслужил как святой человек. Но р. Биньямин исчез, и никто не знал, куда он девался.

А в это самое время р. Биньямин продолжал свои скитания по городам и весям. Он прибыл в Добромысль, где никто его не знал и где он никогда бы не открылся. Но вот ему пришлось однажды подслушать разговор евреев в синагоге. Кто-то рассказывал о чудесах, сотворенных не кем иным, как самим им, р. Биньямином. Имя р. Биньямина уже гремело по всей округе. Сам же р. Биньямин находился здесь инкогнито; никто в Добромысле его в лицо не знал.

3. ТАЙНОЕ СТАЛО ЯВНЫМ

Пожар в Любавичах. Синагога имени р. Биньямина. Кто же был сапожник Вольф на самом деле?

Р. Биньямина сильно расстроило то, что его тайна раскрылась, что все теперь знали, что он нистар и каббалист. Тот факт, что в Добромысле рассказывали о содеянных им чудесах, свидетельствовало, что об этом известно уже во всей округе. В Добромысле его никто не знал, и он мог еще скрываться там неузнанным, но уже одно то, что говорили о его скрытой силе, сильно его огорчало. Ему лучше хотелось прожить свой век так, чтобы никто о нем ничего не знал, а скрытые в нем силы применять тайно от всех.

Особенно огорчало его то, что ему придется возвращаться в Любавичи, а там все его знают. Там он уже больше не сможет оставаться нистаром. И ему уже больше покоя не будет. Отовсюду заявятся к

нему с просьбами, а главное — его будут слишком почитать. Конечно, он не мог избежать возвращения в Любавичи. Там у него была жена, было хозяйство. И он, в конце концов, вернулся в Любавичи, но с тяжелым сердцем, как будто он попался на чем-то недобром.

Было ли это потому, что р. Биньямин сильно расстроился, а огорчения цадика не проходят бесследно на небесах, или по какой-либо другой причине, но в Любавичах случилось нечто сразу же по возвращении р. Биньямина. В местечке случился пожар, и огонь поглотил все дома, в том числе и домик р. Биньямина. Была уничтожена огнем также и единственная синагога. Естественно, что в таком большом несчастье, постигшем любавичских жителей, забыли про р. Биньямина. И даже после того, как потухли последние тлеющие головешки сгоревших домов и ошарашенные и убитые горем погорельцы немного успокоились и начали уже подумывать о том, как бы обеспечить себя новой крышей над головой, все еще не уделяли особого внимания цадику.

Все должны были теперь браться за работу отстраивать свои жилища. Лесу вокруг было много. Следовало только пойти в лес, валить деревья, привести бревна в местечко и строить себе новые дома.

Евреи в Любавичах были тогда трудовыми людьми. Каждый умел держать в руке топор и пилу. Те, у кого не было достаточно средств, чтобы нанимать строителей, делали все сами. И леса кругом гудели от ударов топоров и голосов занятых работой людей. Вскоре начали вывозить из леса бревна, и вот уже на любавичских улицах появились первые новые строения.

Р. Биньямин тоже взялся отстраивать свой дом. Он был уже не молод. Детей, которые помогли бы ему, у него не было. Пришлось ему нанять людей в помощь себе. В то время как все были заняты стройкой своих жилищ, заметили, что р. Биньямин строит себе что-то уж очень большой дом. Люди недоумевали, что это могло означать? Пожелал ли р. Биньямин построить себе теперь большой просторный дом вместо прежней хибарки? Люди пожимали плечами. Они не осмелились спросить р. Биньямина об этом, а сам р. Биньямин им ничего не говорил.

Но чем дальше подвигалась стройка, тем больше закрадывалось сомнение, действительно ли строит р. Биньямин дом для себя. И вскоре дело прояснилось. Это действительно не было домом для него самого. Это был Б-жий Дом. Р. Биньямин строил синагогу. Только теперь люди поняли, что произошло. В Любавичах совсем забыли, что и синагогу нужно отстроить. Прежде всего, обыватели думали о себе, как бы скорее отстроить свои жилища. А о синагоге можно будет побеспокоиться позже, после того, как покончат со своими собственными делами.

По-другому мыслил р. Биньямин. Прежде всего, он хотел обеспечить себя и других жителей Любавичей молитвенным домом. Теперь все по-новому посмотрели на благочестие р. Биньямина, и построенная им синагога была названа его именем: «Молельня р. Биньямина». Теперь вновь вспомнили о тайных силах р. Биньямина, о которых с таким воодушевлением говорил каббалист р. Бецалел-Ури из Полоцка.

Р. Биньямин пытался отрицать все это.

— Я не каббалист, — возражал он, — я не больше как простой коробейник. Я знаю не больше одной главы из Торы.

И как бы для того, чтобы еще больше убедить всех, что он всего-навсего простой человек, неуч, он еще больше начал дружить с ремесленниками в местечке, особенно с сапожником Вольфом, который все еще делал вид, что не знает даже значения читаемых им слов молитв.

На самом же деле, сапожник Вольф был каббалистом и Баал-Шемом, а дружба между ним и р. Биньямином была основана на весьма возвышенных общих целях. Но никто этого не знал и никогда не мог бы дознаться. Они отдавались целиком изучению Торы и служению Б-гу только, когда они находились за пределами местечка, прячась для этого в ближайших лесах, очень удобных для уединения.

Р. Вольф-сапожник был, как и р. Биньямин, бездетным. Во время эпидемии холеры, когда в Любавичах, как и в ближайших деревнях, люди падали, «как мухи», жертвой этого бича оказалась также жена р. Вольфа. Р. Вольф, который в глазах жителей Любавичей все еще был не больше как сапожником, женился тогда на вдове, дочери любавичского портного.

С годами р. Биньямин постарел и ослаб. Ноги его отказывались уже служить ему. Он не мог больше пускаться по миру, как он это делал раньше. Он не мог также обходить деревни со своими товарами. Его жена также ослабла на старости. Им нужен был кто-нибудь, кто ходил бы за ними и вел бы их хозяйство. Поэтому они впустили к себе еврея, по имени Цви-Арье, с женой, по имени Леа-Брайна, молодую пару, у которых не было еще детей. Цви-Арье зарабатывал на жизнь вращением жернова на ручной мельнице. Он был простым, но Б-гобязанным человеком, жившим всегда собственным трудом. Принадлежал ли также и этот Цви-Арье к сонму нистаров типа р. Биньямина и р. Вольфа-сапожника, или же р. Биньямин выбрал его своим квартирантом за его скромность и Б-гобязанность, — точно не известно. Р. Биньямин выбрал эту молодую пару и впустил к себе в дом, чтобы они заботились о нем с женой на старости лет. Больше того, — он их сделал своими наследниками.

Перед своей кончиной вызвал р. Биньямин к себе членов погребального братства («Хевра-Кадisha») и наказал, как его хоронить. Он наказал также, чтобы у его могилы оставили место для его жены. Затем он отказал свой дом, огород и все свое достояние Цви-Арье и жене его Леа-Брайне. Но при этом он поставил условие своим наследникам, чтобы дом был всегда открыт для странников, которых они должны принимать благожелательно. Он также наказал им принять в дом сирот на воспитание. Р. Биньямин требовал от своих наследников назвать мальчика и девочку, которые у них родятся, именами его и его жены, — Биньямином и Сарой.

Когда р. Биньямин покончил с Хевре-Кадisha и с Цви-Арье и Леа-Брайной, он позвал к себе р. Вольфа-сапожника, который и остался у него до самой кончины. Несколько часов сидел р. Вольф-сапожник у изголовья умирающего р. Биньямина. О чем говорили они оба в последние часы жизни р. Биньямина, какие тайны они открыли друг другу, неизвестно.

Похороны р. Биньямина были по его желанию скромными. Никакие надгробные речи произнесены не были. Через месяц скончалась также его жена Сара, которая была похоронена рядом с ее мужем, как было наказано.

Цви-Арье и его жена вошли во владение наследством и выполнили все, что р. Биньямин им наказал.

Их дом стал убежищем для всех проезжих и странников. Цви-Арье и его жена приняли также в дом сирот и воспитывали их как собственных детей.

Между тем что-то случилось с р. Вольфом-сапожником. Через два года после того, как р. Вольф женился во второй раз, в Любавичи прибыл проезжий, которому нужно было повидать только сапожника р. Вольфа.

— Вы знаете, кто он такой? — воскликнул он возбужденно с большой горячностью. — Это, ведь, рабби Вольф, всемирно известный своей ученостью гений из Луцка. Уже много лет прошло с тех пор, как он исчез со своей женой, дочерью луцкого раввина, гаона р. Ицхак-Гершона, и никто не знал, куда они исчезли.

Только теперь узнали в Любавичах, что Вольф-сапожник является нистаром и что все эти годы он жил скрытно. Начали теперь понимать также, почему р. Биньямин с ним так сильно дружил.

В Любавичах поднялся переполох. Р. Вольф мог теперь пользоваться почетом и уважением. Он мог бы теперь также оставить свое ремесло сапожника. Но он и слышать об этом не хотел. Он и в дальнейшем желал оставаться нистаром. Если в Любавичах его тайна была раскрыта, значит, нужно исчезнуть.

Но теперь это было уже не так просто сделать. У него уже была вторая жена. Первая его жена была дочерью луцкого раввина; она была согласна делить с ним все невзгоды скитальческой жизни, полной лишений. Она была не меньше его самого благочестива. Она также была готова к самопожертвованию.

Теперь же его женой была простая женщина — дочь портного, вдова такого же, как и он сам, ремесленника. Он не мог знать в точности, как она поступит теперь, когда она узнала, что он не простой сапожник, а знаменитый талмудист выдающихся способностей. Поэтому р. Вольф обратился к жене и предложил ей выбор: следовать за ним, куда он пойдет, или же получить от него развод. В Любавичах он оставаться больше не желал и не мог ни в коем случае. Жизненный путь, им избранный, не должен быть уступлен знаками почета и уважения.

Тем более не был р. Вольф намерен превратить свои знания Торы в орудие для добывания себе средств существования. Он должен был жить трудом собственных своих рук. Б-жьи слова: «В поте лица своего будешь ты есть хлеб свой» имели для него особое значение. Это было его жизненным девизом. Он не должен был даже находиться среди людей, которые знают, что он не простой ремесленник. Поэтому он вынужден был второй раз оставить насиженное место, — первый раз он оставил город Луцк, где он был знаменитым зятем знаменитого тестя, и теперь — Любавичи, где раскрыта его тайна и где ему больше не было бы того покоя, которым он пользовался, ведя жизнь простого, ничем не примечательного сапожника.

Жена от развода отказалась. Она была согласна следовать за ним в место его нового добровольного изгнания. Через несколько дней муж и жена исчезли из Любавичей.

4. Р. ВОЛЬФ ВНОВЬ РАСКРЫВАЕТ СЕБЯ

Р. Вольф оставляет Любавичи, чтобы поселиться в деревне. Ксендз, пожелавший крестить евреев. Евреи в затруднении. Р. Вольф-сапожник отвечает ксендзу и опровергает все его доказательства.

Для р. Вольфа-сапожника, скрытого луцкого иллуя, и его жены началось теперь длительное изгнание. Они кочевали из города в город, из деревни в деревню, зарабатывая всюду на пропитание сапожничеством, — работой, которую р. Вольф выполнял с большой охотой, потому что в этом ремесле он видел нечто большее, чем одно только средство к добыванию скудных заработков или, чтобы этим скрыть свое благочестие и ученость.

Вообще говоря, нашел р. Вольф в своей работе свой покой, а также свой идеал в жизни, особенно — возможность благодаря ей исполнить свое желание находиться всегда среди ремесленников и простых людей из народа, которых он любил всеми фибрами души. Сапожное дело давало ему также возможность делать добро людям, особенно бедным людям. Одежду носят какую попадетсЯ, обувь же должна быть целой, чтобы зимой в нее не попадал снег, а в дождливое время — вода и сырость.

Р. Вольф мог при этом проявить свою добросердечность тем, что он не только выполнял свою работу добросовестно, но он ни у кого не брал за нее лишней копейки. Он оценивал свою работу дешево. И делал он это по двум мотивам: он не хотел получать за свою работу больше, чем ему требовалось на покрытие своих самых неотложных нужд, а также потому, что он не хотел, чтобы бедным людям приходилось переплачивать, лишая их возможности сшить себе пару новой обуви или починить старую.

Последние странствования р. Вольфа продолжались весьма долго, пока он не прибыл в одну деревню на Волыни вблизи города Лукача, где он, наконец, осел и обзавелся хозяйством. Но и оттуда ему пришлось в конце концов уйти, как это случилось в Любавичах.

В этой деревне р. Вольф впервые нашел было тот покой, который он искал с тех пор, как он оставил Любавичи. Он мог вести там свой особый образ жизни, и никому не взбрело бы в голову, что он нистар. Р. Вольф заслужил там доброе имя как среди евреев, так и неевреев, но это было только потому, что он был честен и предан своей работе, за которую он брал дешевле, чем другие, а товар его был лучше, чем у других, а также потому, что он был тихим и спокойным человеком. Он никогда ни о ком не злословил, никогда ни с кем не ссорился и, как говорится, мухи на стене не трогал.

По правде говоря, р. Вольф вообще мало разговаривал, за что он был назван молчальником. Люди приписывали это его простоте, а также его доброте. Неевреи называли его «Добрый Вульфка».

Все, вероятно, шло бы и дальше так, и никто не узнал бы, что этот тихий и простой человек является скрытым цадиком и гаоном. Но случилось нечто такое, что вынудило р. Вольфа раскрыть себя во всем своем величии во славу имени Б-жьего.

В той деревне жил католический священник, ксендз, который действовал против еврейской религии и вбил себе в голову, что он должен и может привлечь евреев в христианство.

Вначале его выступления были как будто хорошие, дружелюбные. Каждый раз перед христианским праздником он созывал жителей деревни — гоев и евреев — на базарную площадь и там с амвона читал свою проповедь. Он говорил, бывало, о том, что христианство, мол, уже дало миру «спасение», а затем призывал гоев и евреев жить в дружбе и даже смешиваться между собою, ибо, заканчивал он, все должны объединиться и стать единым народом.

Слова ксендза производили большое впечатление на слушателей, особенно на гоев, которые действительно начинали выказывать свое дружелюбие к евреям. Евреи, со своей стороны, чувствовали себя благодаря этому более уверенно.

Что касается слов ксендза о том, что евреи и гои должны смешаться и стать единым народом, то они никакого влияния не оказали. Евреи остались при своей религии, а гои — при своей. И до тех пор, пока ксендз только говорил о дружбе между гоями и евреями, хотя он это обосновал «мессианством», особой задачей христианства, это никого не беспокоило. Гои могли думать о словах своего священника все, что им нравилось. Но они ведь слышали от него недвусмысленные слова о том, что с евреями нужно обращаться, как с родственными им людьми.

Это было только на пользу евреям, и они это достойно оценили.

Но вскоре евреи обнаружили, что эти добрые слова ксендза только подготавливали почву к дальнейшему. Ксендз, наконец, выступил открыто, заявляя, что он хочет, чтобы евреи перешли в христианство. Он уже открыто начал громить еврейскую религию, «доказывая», что христианство — единственно истинная религия, и только христианство католической церкви. Священник пытался даже доказать свою «ученость» и приводил стихи из библии, объясняя их таким образом, что из них следовало якобы, что сама библия «признает» христианство.

Это были обычные, хорошо знакомые нам слова христианских миссионеров, которые во все времена пытались с помощью якобы неоспоримых доказательств убедить евреев перейти в христианство.

Ученые евреи, знакомые с этими «доказательствами», в точности знали, что на них ответить. Известные еврейские общественные деятели имели уже в прошлом многие диспуты с христианами об этом и отбрасывали и разбивали в пух и прах все их доводы и квази-доказательства.

Но в этой деревне на Волынщине не нашлось ни одного еврея среди местных жителей, который мог бы ответить ксендзу. Они все были простыми, неучеными людьми, для которых «доказательства» священника с его искусно отточенной речью были выше их возможностей как оппонентов.

Поэтому евреи оказались в затруднении. Ксендз все больше нагнул. Он уже обращался открыто к евреям, говоря, что если евреи не могут ответить на его аргументы и оспаривать его «доказательства», приводимые им из Библии, то они должны сразу же отказаться от своей религии и перейти в католичество. При этом он обещал выкрестам всякие блага на этом и на том свете.

Видя, что никто из евреев не смеет вымолвить слово, священник еще больше возгордился, чувствуя себя как бы победителем в этом споре, в котором он якобы сумел доказать свою правоту. Он уже рассчитывал на большой улов, на крещение большого числа евреев.

Однажды летом перед каким-то христианским праздником вновь созвал священник всех гоев и евреев на базарную площадь и начал проповедовать на свой обычный лад.

На этот раз ксендз говорил еще более резко против еврейской религии и прямо потребовал от евреев, чтобы они крестились. Он высмеял евреев, их религию и их обычаи, одним словом — всю еврейскую Тору, указывая со своей обычной наглостью, что «истина» только на стороне католицизма.

— Может кто-либо возразить на мои слова? — воскликнул ксендз в полной уверенности, что никто из евреев не раскроет рта.

Вдруг выступил кто-то из среды собравшихся евреев и сказал весьма ясно и четко, что он хотел бы ответить ксендзу.

Все оглянулись на этого смельчака, и кого же они увидели? К их неописуемому изумлению оказалось, что это был не кто иной, как р. Вольф-сапожник, этот закоренелый молчальник, «Добрый Вульфка», как его звали неевреи.

Как это он смог открыть рот, когда от него редко слышали единое слово и многие сомневались, есть ли у него вообще язык во рту! И евреи, и неевреи вытаращили глаза на этого человека. Ксендз тоже был заинтригован.

— Хорошо, Вульфка, — воскликнул он, — ты хочешь что-то сказать, взойди сюда на амвон и давай послушаем, что ты имеешь сказать.

Ксендз был, по-видимому, уверен, что именно при помощи этого «Доброго Вульфки» он сумеет прижать евреев к стенке так, что они больше не сумеют обойти его.

Спокойными шагами взошел р. Вольф на амвон и открыл рот. К всеобщему изумлению все услышали от него слова, которые никто от него никогда не ожидал. Он говорил на хорошем польском языке, как «настоящий гой», свободно и ясно. Но всего поразительнее было то, что он сказал. Он начал разбивать все аргументы ксендза один за другим и приводить доказательства, которые делали слова ксендза просто смешными. Он начал приводить стихи из библии, и быстро и ясно переводил их на польский язык. Самое удивительное, что каждый мог понимать его и должен был признать его правоту. Он попросту доказал, что ксендз не знает, о чем говорит, и не только цитирует стихи неверно, но неправильно их объясняет и понимает.

Теперь пришлось уже замолчать ксендзу. Он не смог соревноваться в знании с р. Вольфом.

Так что спор быстро закончился, и все уже знали, что сапожник одержал верх над ксендзом. Евреи торжествовали. Они чувствовали, что р. Вольф вызволил их из большой беды. Но и гои не могли прийти в себя от изумления. Они удивлялись перемене, происшедшей с этим молчаливым и на первый взгляд простым р. Вольфом.

Ксендз не смел уже больше клеветать на евреев и прекратил собрания на базарной площади и произнесение там проповедей.

Это произошло в середине лета перед жатвой, а в начале месяца элул оказалось, что р. Вольф и его жена исчезли из деревни.

Р. Вольфу пришлось самому раскрыть себя. Это было необходимо во славу имени Б-жьего, а потому у него другого выбора не было. Но он больше не захотел оставаться в деревне, где евреи и неевреи оказывали бы ему большой почет и где ему пришлось бы, вероятно, оставить свое ремесло — сапожничество.

Этого он ни в коем случае не мог допустить. Он свою миссию выполнил. Теперь перед ним открывался новый ряд мытарств и мыканий по белу свету. Ему предстояло вновь блуждать по городам и весям искать себе пристанище, место, где он мог бы без помех заниматься своим ремеслом, где никто его не заподозрил бы, что он не простой человек, обычный сапожник. Ему предстояло найти себе место, где он мог дружить с людьми из народа, такими же, как он сам, простыми и скромными, у которых нет более возвышенных потребностей, как только жить скромно трудами рук своих.

Он хотел трудиться, не спрашивая за свою работу лишней копейки, не требуя от заказчиков больше того, что, по его мнению, ему причитается, сколько, по общему мнению, он действительно заработал честно и справедливо.

Жители деревни, евреи и неевреи, пытались вначале разузнать, куда девался р. Вольф, не желая терять его. Но никаких его следов они не нашли. Он как в воду канул.

5. МУЧЕНИК

Р. Вольф вновь берет верх над ксендзом. Его арест. Его диспуты с духовенством в Киеве. Навет и казнь. Вдова и сирота р. Вольфа.

Теперь, когда р. Вольфа-сапожника больше не было в деревне, ксендз вновь начал проповедовать на базарной площади, куда он созывал евреев, требуя выслушивать его. И вновь он начал приводить свои старые «доказательства» того, что евреи обязаны перейти в католицизм. Еврейское население деревни обязано было слушать его разглагольствования, и евреи были вновь охвачены чувством горя и боязни. Их огорчало то, что нет больше среди них р. Вольфа, который мог бы опровергнуть слова ксендза. Они были испуганы, хорошо сознавая, какая им грозит опасность, — ксендз будет постепенно все сильнее и сильнее на них нажимать, попытается силой заставить их креститься.

Положение евреев ухудшилось еще и тем, что ксендз нашел себе помощника. Это был сын местного помещика. Молодой помещик был в некоторой степени человеком образованным и к тому же большим фанатиком. Он полностью поддерживал ксендза в его попытке завлечь евреев в сеть отступничества от своей веры. Он также начал появляться на сборищах на базарной площади, стоял рядом с ксендзом на амвоне и прислушивался к его проповедям. Он и сам обращался к собравшимся с речью.

Молодой помещик пытался также доказать свою преданность вере и свои знания. Он выкладывал перед слушателями все свои теологические познания в попытке убедить евреев, что они должны

возможно скорее перейти в христианство. При этом не забывал он прибегать и ко всякого рода угрозам, запугивая евреев тем, что если они будут продолжать упорствовать, они наживут себе немало неприятностей. Это причинило евреям много горя, но они не знали, как и чем помочь себе.

И вновь наступило лето, время перед жатвой! Ксендз с помощью молодого помещика вновь собрал евреев и гоев и читал им одну из своих обычных проповедей, призывая евреев креститься. Молодой помещик выступил на этот раз с новыми «доказательствами», свидетельствующими о необходимости евреям отказаться от своей веры.

— Может ли кто-нибудь опровергнуть приведенные мною доказательства? — обратился молодой помещик к присутствующим.

В течение некоторого времени господствовала мертвая тишина. Кто же осмелится ответить молодому помещику и ксендзу? Но вдруг выдвинулся кто-то со стороны, заявляя: «Я отвечу!» — и смелыми шагами пошел прямо к амвону.

Все посмотрели на смельчака, и кто же это был? К общей радости это был не кто иной, как сам р. Вольф-сапожник. После того, как р. Вольф долго проблуждал по городам и городишкам неузнанным, он, наконец, передумал, и со своей женой решил вернуться в свою прежнюю деревню. Он хорошо сознавал, что евреи опять будут нуждаться в нем. Он верно рассчитал, что когда его больше не будет в деревне, ксендз опять возьмется за старую свою дьявольскую работу. Теперь р. Вольф вновь появился на сцене, готовый вступить в единоборство с ксендзом и его помощником, молодым помещиком.

И опять показал р. Вольф свою силу. На хорошем, беглом польском языке он отшвырнул все соображения ксендза и молодого помещика. Он попросту закрыл им рты. Они вынуждены были признать себя побежденными. Евреев охватила радость, они опять почувствовали себя вне опасности. Р. Вольф с женой на этот раз уже остались в деревне совсем. По-видимому, чувствовал теперь р. Вольф, что нельзя ему больше оставить евреев деревни: без него они будут беспомощны.

В один из вечеров в конце лета сидел р. Вольф в синагоге за священной книгой. Вдруг явились трое вооруженных полицейских и арестовали его, оторвав от открытой перед ним книги. Поднялась суматоха. Жена р. Вольфа горько плакала, умоляя пощадить мужа. На это ей сказали, что приказ об аресте исходит от высших инстанций и что велено доставить р. Вольфа в Лукач к епископу.

Было ясно, чья рука замешана во всем этом. Ксендз и молодой помещик, уязвленные в своих горделивых чувствах победами р. Вольфа, решили отомстить ему за это и одновременно избавиться совсем от него. Они донесли на р. Вольфа епископу, а тот нашел уже основание для ареста.

Целый месяц находился р. Вольф в Лукаче под арестом. Он обязан был дважды в неделю являться в дом епископа, чтобы вести диспут с этим высокопоставленным духовником об иудаизме и христианстве. Епископу было очень важно, положительно до смерти необходимо было победить в споре р. Вольфа. Но он не смог добиться этого. Р. Вольф всегда разбивал все его доводы, доказательства и мнения. Убедившись, что он с р. Вольфом ничего не поделает, он донес на него Высшему католическому церковному совету, который находился тогда в Киеве, и р. Вольф был отправлен под вооруженной охраной в Киев.

В Киеве сначала приняли его весьма милостиво. Ему разрешили находиться на частной квартире в условиях полной свободы. Раз в неделю его вызывали на публичный диспут с одним из высокопоставленных церковников. Так прошло пять месяцев. Ни в одном из всех проведенных диспутов никто не смог одолеть р. Вольфа, — он всегда выходил на них победителем.

Священники были глубоко уязвлены этим. Они не находили выхода из создавшегося положения. Тогда они прибегли к давно испытанному способу избавиться от опасного противника — навету. Они попросту возвели на р. Вольфа напраслину. Его ложно обвинили в том, что он якобы хулил и высмеял основателя христианства, церковь и священников.

Р. Вольфа поставили перед церковным судом. Все было подготовлено заранее. Выступили лжесвидетели и «подтвердили», что р. Вольф действительно хулил и высмеял основателя христианства и католическую церковь. Прокурор потребовал для несчастного р. Вольфа высшую меру наказания, и он был приговорен к сожжению живьем.

Казнь была совершена публично в самом центре Киева через несколько дней после вынесения приговора. Дьявольская жестокость священников была столь ужасна, что они заставили раввина и лиц, возглавляющих еврейскую общину, присутствовать при свершении казни.

Трагедия, сильно потрясая евреев города Киева и других общин, была тем ужаснее, что как раз незадолго до суда р. Вольф узнал, что его жена ждет ребенка. Это был первый его ребенок, и радости его не было границ. Но ему не суждено было видеть своего дитяти. Когда р. Вольф умер мученической смертью прославляя имя Всевышнего, вдова была еще только в первых месяцах беременности.

Киевская еврейская община просила вдову казненного остаться в их городе, и они ее обеспечат всем необходимым. Но она отказалась. Она решила вернуться в Любавичи, где она родилась и где жили ее родители.

Так она и сделала. При первой возможности она оставила Киев и вернулась в Любавичи. Ее отец, бедный портной, был уже стар и сам вынужден был прибегать к благотворительной помощи общины. Поэтому она в доме родителей не нашла себе покоя. Других близких родственников, от которых она могла бы ждать материальной помощи, у нее также не было. Любавичская община, зная уже о великом благочестии и мученической смерти р. Вольфа, была готова брать на себя все расходы по ее содержанию. Но она отказалась и от этого. Она объяснила, что она следует указаниям мужа-мученика о важности и необходимости жить своим трудом и не прибегать к людской благотворительности. Поэтому она выразила желание получить какую-либо работу, которая могла бы обеспечить ее существование в те последние месяцы беременности, в которых она уже находилась.

С этой целью она поступила в услужение к одному из зажиточных обывателей Любавича, в доме которого она и родила сына.

Новорожденный мальчик был назван именем своего отца — Вольфом. Обрезание было отпраздновано очень торжественно.

В течение трех лет растила своего ребенка, вдова казненного р. Вольфа, и все это время она жила своим собственным трудом, отказываясь от чьей-либо материальной помощи себе или ребенку. То ли от тяжелой, полной лишений жизни, то ли по какой другой причине, но вдова р. Вольфа в конце концов заболела, слегла и уже больше с кровати не встала. Трехлетний Вольф остался круглым сиротой.

Теперь община уже должна была и обязана была выискывать средства, чтобы обеспечить сироту. Но судьба ребенка не вызвала особой тревоги. Очень скоро нашелся благодетель, забравший к себе в дом сиротку на воспитание. Это был Цви-Арье, который, как нам уже известно, унаследовал дом и огород нистара р. Биньямина, обещав ему брать в дом на воспитание сирот и держать дом всегда открытым для всех, нуждающихся в ночлеге.

Случай этот был для Цви-Арье и его жены Леа-Брайны особо подходящим. Ведь сиротка Вольф был не просто беспомощным малюткой, — он был к тому же сыном святого мученика р. Вольфа, который во время своего проживания в Любавичах был так дружен с р. Биньямином.

У Цви-Арье и Леа-Брайны были уже и собственные дети — мальчик и девочка. Это дало им возможность выполнить и другую часть завещания р. Биньямина, — назвать мальчика его именем — Биньямином, а девочку именем его жены — Сарой.

Биньямин и Сара были оба хорошими детьми. Маленький Биньямин отличался хорошими способностями и успехами в учебе, а его сестра Сара отличалась добросердечностью и красотой. Еще ребенком она уже помогала матери по уходу за сиротами, воспитывавшимися в их доме.

Когда сиротка Вольф был принят к ним в дом, маленькая Сарочка играла с ним и дружила, как с родным братиком.

Не прошло много времени, и оказалось, что маленький Вольф проявляет большие способности в учебе, и к тому же он очень прилежен. Поэтому было весьма естественно, что оба мальчика, Вольф и Биньямин, оказались товарищами по учебе. Они оба подходили друг другу во многом. Таким образом, вновь завязалась дружба между новым Биньямином и новым Вольфом.

6. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЕВ И ЖЕСТОКОСТЬ ГОИМ

Новый Биньямин и новый Вольф. Еврейская музыка и гулянки у гоев. Новый любавичский раввин. Раввин, ставший магидом.

Жителям Любавичей опять представилась возможность наблюдать крепкую дружбу двух друзей, носивших имена Биньямина и Вольфа. Вместо старого р. Биньямина, тайного цадика, подрастал теперь сын его наследников Цви-Арье и Леа-Брайны, носивший его имя — Биньямин; подрастал также и сиротка Вольф, носивший имя своего отца-мученика р. Вольфа-сапожника. Оба мальчика учились вместе и вместе воспитывались. Оба выказывали недюжинные способности и большое прилежание. Все местечко говорило о них и любовалось ими.

Когда оба мальчика подросли и накопили знания, повел их Цви-Арье к тогдашнему любавичскому

раввина р. Шолом-Шломе, чтобы он их проэкзаменовал. Раввин очень хвалил мальчиков и передал их в руки своего сына — иллуя — р. Йосефа для обучения. Вскоре скончался гаон р. Шолом-Шломо, и место раввина занял его сын р. Йосеф. Мальчики продолжали учиться у р. Йосефа и их знания росли вместе с ними.

Помимо своей учености в области Торы, отличился Биньямин также своими музыкальными способностями. Он красиво пел и хорошо играл на скрипке. Люди слушали его пение и игру и были от них в восторге. Такую сладость им никогда раньше испытывать не пришлось.

Четыре года были Биньямин и Вольф учениками любавичского раввина р. Йосефа. За это время они выросли и стали уже юношами. Пора было подумать об их женитьбе. В обоих случаях это было заботой Цви-Арье и Леа-Брайны. Для Вольфа они предназначили в невесты свою собственную дочь Сару.

Свадьба сироты Вольфа с Сарой была радостным событием не только для Цви-Арье и Леа-Брайны, но и для всех жителей Любавичей. Все местечко от мала до велика явилось на эту свадьбу. Торжество венчания и всю свадьбу украсили пение и скрипичный концерт Биньямина, товарища жениха и брата невесты.

Неожиданным гостем на свадьбе оказался один из помещиков по соседству с Любавичами, который прибыл специально, чтобы послушать пение и игру Биньямина. Об исключительном даровании Биньямина как музыканта он был наслышан давно и пожелал теперь убедиться в этом лично.

Биньямин очень понравился помещику своим пением и игрой. Это видно было из того, что когда помещик устроил у себя в усадьбе гулянку, он послал верхового к Цви-Арье с требованием прислать к нему своего сына Биньямина петь и играть на балу. Биньямин явился вместе с двумя-тремя другими еврейскими юношами, и они пели и играли на помещичьем балу перед высокими гостями, соседними помещиками.

В то время как Биньямин и его товарищи пели и играли, помещики занимались едой и особенно питьем и наслаждались вволю. Одному сильно опьяневшему гостю захотелось подшутить над Биньямином. Он потребовал, чтобы Биньямин одел звериную шкуру, стал на перевернутой бочке и играл на скрипке. Пьяного помещика мало трогали пение и игра еврейского парня и его товарищей, певших и игравших лучшие и красивейшие песни и мелодии. Ему захотелось, чтобы Биньямин выглядел забавным и стоял в смешной позе.

Остальные гости, также сильно опьяневшие, подражали этому забулдыге. Им понравилась мысль подшутить над еврейским юношей. Биньямин был вынужден удовлетворить прихоть пьяных помещиков.

Но все это было еще пока не самое худшее. В помещичьей усадьбе гулянка продолжалась несколько дней подряд. Собравшиеся помещики продолжали веселиться и все время придумывали себе новые забавы. Одному из них пришло в голову еще больше позабавиться на счет Биньямина. Он велел принести большую бочку и наполнить ее водой. Затем он приказал Биньямину залезть в бочку с водой и оттуда петь и играть на скрипке.

Биньямину пришлось напрячь все свои силы, чтобы вода не захлестнула его во время пения и чтобы руки его были свободны для игры на скрипке. Это было страшно мучительно и связано также с немалым риском для жизни.

К тому же Биньямину пришлось делать вид, что он все это принимает в шутку, что ему тоже «доставляет удовольствие» эта дьявольская шутка...

Можно себе представить, как чувствовал себя в то время благородный, талантливый молодой ученый — Биньямин. Понятно, что домой вернулся он с сильно уязвленным сердцем. Он уже знал теперь, как мало стоят евреи в глазах гоев, как бы сильно ни пожелали евреи отличиться перед ними.

Все же помещик, в усадьбе которого Биньямин занимал его гостей, выказал также и признание талантов Биньямина. Он построил в Любавичах здание, и когда Биньямин женился, он ему поднес этот дом в виде свадебного подарка.

После свадьбы Биньямин продолжал свою учебу у того же раввина р. Йосефа. На жизнь давал ему его отец Цви-Арье.

Раввин р. Йосеф начал выказывать склонность пойти своей собственной жизненной дорогой. Время от времени он отправлялся «справлять галут». Он задерживался в пути полгода и затем возвращался на свое место раввина. На время своего отсутствия он оставлял вместо себя своего ученика р. Биньямина.

Так прошло десять лет. Все это время р. Биньямин отдавал себя целиком изучению Торы и служению Б-гу. Он пользовался полным покоем, поскольку его отец обеспечивал его всем необходимым. Но вот Цви-Арье умер, и р. Биньямин лишился этой опоры. Тогда, — это было, по-видимому, около 5496 года (1736 г.), — созвал раввин р. Йосеф общинных деятелей и заявил им следующее: «До сих пор я обычно уходил справлять галут на несколько месяцев, и я сам назначал на свое место на это время моего ученика р. Биньямина. Теперь же я намерен оставаться в галуте не менее двух лет подряд. Мне не подобает самому предложить р. Биньямину занять должность раввина у нас. Я хочу, чтобы это сделали вы».

Деятели общины согласились с предложением раввина. Все были уверены, что р. Биньямин достоин быть раввином Любавичей.

Перед уходом из Любавичей р. Йосеф потребовал от нового раввина р. Биньямина, чтобы он выплачивал его жене и единственной дочери часть своего жалованья на посту раввина. Р. Биньямин согласился, и р. Йосеф смог с легким сердцем пуститься в путь добровольного изгнания.

Через два года вернулся р. Йосеф из галута. Но он больше не захотел быть раввином. Он сказал, что р. Биньямин больше соответствует этому посту, тем более, что местечко очень довольно своим молодым раввином. А как же быть с р. Йосефом? Тогда община решила единогласно назначить р. Йосефа местечковым магидом и наставником общины.

Теперь проявил себя р. Йосеф уже в новой своей роли магида. При этом он пошел по совершенно новому пути, целиком отличному от обычно принятого проповедниками тех времен. В Любавичи, как

и в другие города и местечки, часто наезжали такие проповедники. Они читали свои проповеди в синагоге, и проповеди их были все на один лад. Магиды сильно укоряли народ и нагоняли большой страх на слушателей, рисуя во всех ужасных подробностях и представляя наглядно потрясающие сцены ожидающего грешника страшного наказания и страдания. Нередко такой магид своими нагоняющими ужас проповедями добивался потрясающего эффекта — все слушатели тут же разражались громкими рыданиями и стенаниями. Весь воздух в синагоге был наполнен охами и вздохами как на женской, так и на мужской половине.

Совсем иным был метод проповеди нового магида р. Йосефа. Он не обрушивал на грешников громов и молний. Он не выпускал из своих уст ни одного проклятия. Он не говорил о геенне и не пугал народ страшными страданиями в аду. Он также не рассказывал подобно другим магидам об ангелах в роли палачей и об издевательствах над грешниками. Вместо этого он рассказывал обо всем том хорошем, что ждет изучающих Тору и исполняющих ее заветы. Он вообще не желал привлекать народ к Торе и ее заветам путем страха, который ему надлежало нагонять на своих слушателей, а наоборот — путем завоевания сердец молодежи и стариков, мужчин, женщин и детей добротой, сердечностью, а главное — разумом.

Р. Йосеф именно того и желал, чтобы евреи — мужчины и женщины — шли по праведному пути любовно и разумно. Он говаривал обычно, что помимо великой награды, которую еврей получает за творимое им добро, он доставляет великую радость своему Творцу.

Это было уже нечто совершенно отличное от проповедей старого типа. Своими проповедями, своей душевностью завоевал р. Йосеф сердца своих слушателей.

А когда р. Йосеф говорил о Всевышнем, о Творце вселенной, это было также нечто совсем другое, новое, до того неслышанное. Он не говорил о наводящем ужас «Б-ге мстителе», перед кем тленный человек должен всегда только трепетать. По его проповедям выходило, что Всевышний милостив, благотворителен; от Него истекают любовь и добро; единственное Его желание — это, чтобы человек шел по указанному Им пути. Б-г не желает, чтобы грешник умер или, чтобы он был наказан за свои недобрые дела; Б-г желает, чтобы грешник покался и жил и наслаждался Б-жьим миром. Р. Йосеф как магид отличался также и тем, что он глубже вникал в смысл сказаний наших мудрецов и объяснял и комментировал их особым образом, извлекая из них глубочайшие и красивейшие идеи. Главным же образом он возбуждал в народе любовь к Б-гу. Он говорил, что любовь к Б-гу — это сама основа иудейства, и что любовь предшествует Б-гобоязни. Любовь к Б-гу и трепет перед Ним — обе одинаковые по значимости заповеди, проповедовал р. Йосеф, и все же сначала любовь, а затем боязнь. Ведь сказано в Торе: «И люби Превечного, Б-га твоего», и затем лишь добавлено: «Бойся Превечного, Б-га твоего». Отсюда вытекает, по мнению р. Йосефа, что любовь к Б-гу предшествует боязни Его.